

Останови дыхание. Это югэн.

Ксифенг Чао

Ксифенг до последнего пребывала в уверенности, что в монастыре все удобства будут на улице, в том числе и мытье. Мол, вот тебе, дорогой послушник, кусок мыла, полотенце чтобы вытереться найдешь сам, вот тебе ручей, вот озеро, и вперед, на водные процедуры. Оказалось, все ни разу не так печально, поэтому девушка даже устыдилась сразу же, как узнала реальное положение дел. Неловко вышло - взяла и отодвинула монастырь куда-то в каменный век, даже не пытаясь разобраться. А тут ведь не только каждому выделяют личный таз и кувшин для умывания, тут даже есть централизованная душевая. Правда, про душевую Ксифенг выяснила почему-то не сразу и некоторое время исхитрялась из кувшина и голову мыть. А как только выдался свободный вечер - окрыленная новым знанием девушка сразу же отправилась и на разведку, и наконец принять душ по-человечески.

Как следует отмокнув в душевой, Ксифенг ощутила себя такой восхитительно чистой, почти сверкающей, что разрешила себе расслабиться и не стала пытаться вытереться насухо. Волосы девушка и вовсе скорее промокнула, оставив их свисать по обеим сторонам лица влажными пиявками, замоталась в короткое светлое полотенце и перекинула одежду через руку, готовясь устроить по коридорам спринт на грани фолла. Полотенце и близко не достигало колен, даже вернее было бы сказать, что оно прикрывало только самые стратегически важные места и этим ограничивалось. Ксифенг успокоила себя тем, что время не раннее, вряд ли по коридору ходят толпы - запросто можно успеть добежать до своей комнаты, не попавшись никому на глаза. И толкнула дверь душевой в ту самую секунду, как кто-то другой снаружи потянул ее на себя.

В образовавшуюся щель Ксифенг увидела чьи-то темные глаза - и крепко вцепилась в дверь, удерживая ее возле себя и не позволяя ей открываться шире, хотя человек с той стороны и попытался по инерции продолжать прорываться внутрь. В истерику с визгами девушка не впала, вовремя рассудив, что сквозь такую узкую щелку и с такого близкого расстояния все равно толком ничего не видно. Ксифенг только сопела и смотрела в ответ, ожидая, когда до человека по ту сторону двери дойдет, что надо смущенно опустить глаза и отвернуться.

Эйнар Эспеланд

Эйнар самостоятельно, без подсказок разобраться, что и как устроено в монастыре, даже не пытается – заранее знает, чем это может кончиться, особенно при наличии не в меру буйной фантазии. Юноша не стесняется спрашивать об этом знакомых, не забывая, впрочем, держаться грани и не съезжать в чересчур наглый вопрос. Сперва охотно отвечает Райан, а после в диалог втягивается и Ирина, до сих пор доверяющая Эйнару с какими-то бесконечными оговорками. В итоге о наличии в жилом корпусе славной душевой Эспеланд узнаёт если и не настолько быстро, насколько возможно, то уж точно в рекордные сроки. И старается подгадать время для похода туда так, чтобы ни с кем не пересекаться, и в особенности – с девушками, которые составляют в монастыре уверенное большинство. Но терпит сокрушительную неудачу.

Когда Эйнар осторожно тянет дверь душевой на себя – та неожиданно поддается не

просто легко, а словно бы сама прыгает навстречу, как будто её кто-то толкает с той стороны. Как тут же оказывается – действительно толкает. По инерции Эспеланд ещё какое-то время, растерявшись, продолжает тянуть дверь на себя, и девушка в душевой, сопротивляясь, повисает на дверной ручке.

Совершенно точно, это девушка, что удваивает неловкость ситуации. Смотрит из-за двери серьёзными тёмными глазами и сердито сопит. Эйнар отступает на шаг, пытается смущённо опустить взгляд – и едва не задыхается, решив было, что попытался войти максимально не вовремя. Сперва юноше кажется, что его взгляд свободно соскальзывает вниз по светлой коже и что девушка совершенно раздета. Только присмотревшись, получается заметить: на девушке полотенце, светлого персикового цвета, и для слабого зрения Эйнара оно почти сливается с девичьей кожей. Запоздало понимая, как выглядела эта попытка присмотреться, Эспеланд наконец соображает отвести взгляд в сторону. И извиняется, отступая ещё на шаг: – Прости.

Ксифенг Чао

Как-то все вообще глупо получилось, запоздало подумала Ксифенг, когда юноша метнулся глазами вниз, наткнулся взглядом на светлое полотенце, принял его, очевидно, за голую кожу и пошел алыми пятнами. Как же капитально, выходит, он залился краской, если даже сквозь такую узкую щель это более чем отчетливо видно. Надо было сразу эту дурацкую дверь закрывать, мысленно обругала себя Ксифенг, и орать из-за двери. А теперь вот, пожалуйста - всем неловко. Парня засмутила и сама тоже засмутилась.

- Ну, даже не знаю. Я, может, даже жениху до свадьбы не планировала так давать себя рассматривать, как ты меня сейчас разглядел, - протянула Ксифенг, пытаясь выиграть отсрочку и придумать хоть сколько-нибудь оригинальный ответ. Упорно лезущее на язык вездесущее "женись теперь, как порядочный человек", наверное, в такой ситуации может любая девушка произнести, для этого великого ума не надо. Ксифенг же хотелось быть хоть чуть-чуть *не любой*. Продолжая тянуть время, девушка снова выглянула из-за двери и внимательно посмотрела на молодого человека: - Вот ты чем вину искупать планируешь? Сразу говорю: замуж за тебя я не пойду. Я тебя впервые в жизни вижу. Так что жениться на мне, как порядочный человек, ты не сможешь, - все-таки соскочила с языка, дурацкая штампованная фразочка, как Ксифенг ни пыталась ее удержать. - И кстати, посмотри, пожалуйста, заодно: там по коридору больше никто не бежит? Нет других желающих полюбоваться на мое белое тело?

Хорошо бы, чтобы не было. Ксифенг изначально показов на грани эротики вообще устраивать не планировала, намереваясь тихой и незаметной мышкой добежать до своей комнаты. Другое дело, что планировать надо было лучше. Ну, а теперь все, что можно сделать - это не расширять аудиторию и обойтись помощью одного молодого человека, не натываясь на еще десяток зрителей в коридоре.

Эйнар Эспеланд

Впервые в жизни Эйнар близок к тому, чтобы радоваться своему отвратительному зрению, с которым юноша теперь словно вечно ходит в шорах – сейчас достаточно отвести глаза в сторону совсем немного, и девушка полностью исчезает из поля зрения, оказываясь в слепой зоне. Правда, в целом ситуация от этого легче не становится. Сложно не думать о светлой и наверняка тёплой девичьей коже, когда можно чуть повернуть голову и снова увидеть её; более того – когда можно всего

лишь протянуть руку и коснуться её. Дверь, тем более приоткрытая, преградой уж точно не станет.

И Эйнар испытывает огромную, невыразимую благодарность девушке – за то, что она продолжает *говорить* из-за двери, практически вынуждая отвлекаться и думать о другом.

– С точки зрения дизайна, здесь не помешала бы табличка "занято" на двери. Было бы меньше недоразумений, – беспомощно говорит Эйнар, ощущая, что пока что он не прощён, и не понимая, чего девушка от него добивается. Шутливую помолвку, к которой можно было бы свести эту ситуацию, девушка сама же и отвергает, но не предлагает при этом никаких альтернатив, а сам говорить о каких-то обещаниях вслепую Эспеланд не намерен, поэтому старается аккуратно вернуть слово девушке.

– Я думаю, что, поскольку пострадала ваша честь – будет справедливо, если вы сами и назначите, как я должен искупать свою вину, – осторожно говорит Эйнар. Выражаться проще, когда речь идёт о таком деликатном предмете, у юноши просто не выходит. Выполняя просьбу девушки, Эспеланд оборачивается и оглядывает коридор. На пробу щурится, словно бы наводя резкость, чтобы проверить, не смазалась и не расплылась ли перед его глазами чья-нибудь фигура в конце коридора, и наконец качает головой: – Я никого не вижу. Мне кажется, вы можете идти спокойно.

Очередной вдох Эйнар вовремя задерживает в лёгких – юноша уже готов неосторожно предложить девушке проводить её, но вовремя спохватывается. Она сейчас в едва прикрывающем ноги полотенце, вряд ли она захочет, чтобы юноша долго находился с ней рядом.

Ксифенг Чао

Ксифенг, продолжая прятаться за дверью, как раз занималась тем, что тоже оценивала длину своего полотенца. И результат ее категорически не устраивал. Полотенце едва-едва начиналось там, где ноги уже заканчивались. Учитывая, что за дверью стоял молодой человек и его длина полотенца тоже явно волновала – рискнуть и выйти в коридор в таком виде Ксифенг была не готова. Приходилось мудрить над своим внешним видом.

- Не заходи! – предупредила девушка. Потянула дверь на себя, захлопывая ее, отложила все вещи, которые до этого держала в руках, и принялась втискиваться в джинсы. Ткань цеплялась за влажную кожу, поэтому одеться было делом отнюдь не нескольких секунд. Сражаясь с джинсами, Ксифенг привалилась спиной к дверному косяку, рискуя вывалиться за дверь, и в такой позе попыталась продолжать разговор.

- То есть, ты мне вроде как полностью доверяешь? – уточнила Ксифенг, по висящему голосу молодого человека понимая, что у него у самого версий нет. - А если я скажу, что ты теперь должен в рабство ко мне пойти? Или душу свою мне отдать? Что – неужели согласишься?

Тонкие джинсы мало того, что налезали неохотно, так еще и туго обтянули ноги, практически не скрывая никаких анатомических подробностей. Получалось, что это было немногим лучше – но все-таки лучше, чем совсем уж с голыми ногами. Ксифенг повторно обмоталась полотенцем, снова сгребла в охапку оставшиеся вещи и предупредила: - Выхожу! Точно никого нет? Смотри, остатки моей чести на твоей

совести!

В коридоре действительно никого не было, кроме молодого человека, у которого до сих пор виновато бегали глаза. Ксифенг почуяла, что если уж его дожимать, то делать это нужно сейчас, иначе потом чувство вины притупится и перестанет быть таким замечательным рычагом для давления. Девушка поправила полотенце на груди и деловито напомнила: - Ну так что? Душу отдашь? В рабство ко мне пойдешь?

Эйнар Эспеланд

Пока девушка снова прячется в душевой, Эйнар всеми силами пытается понять, чего девушка от него добивается, но версий нет. Точнее, есть две или три, но все какие-то вялые и неубедительные, не стоящие того, чтобы ради них раздувать целую трагедию. Слегка запоздало Эспеланд думает о том, что он же сам и позволил девушке выставить ситуацию в таком свете, словно трагедия действительно произошла, – но думать в сослагательном наклонении сильно мешает то, что юноша в самом деле верит в свою вину. Пытался вломиться? Было, и не так уж важно, с какой именно целью. Рассматривал? Чёрт возьми, опять да, и ведь ещё как рассматривал. Здесь, наверное, и плохое зрение окончательным оправданием не будет.

Девушка, продолжая говорить из-за двери, вносит предложение, звучащее как откровенная дичь. Эйнар изумлённо смотрит на дверь, словно может прямо сквозь неё заглянуть девушке в глаза и понять, шутит ли она. Голос звучит так уверенно, как будто и впрямь – не шутит и уже готовит контракт и иголку, чтобы можно было проткнуть палец и подписаться кровью.

Эспеланд пытается счесть эти слова шуткой – но девушка берётся на них настаивать, когда появляется из душевой, уже не в одном полотенце, но и в джинсах. Эйнар пытается смотреть сперва на её хрупкие плечи, все в мелких капельках воды, потом на длинные ноги, которые джинсы облегают так туго, как бывает только после горячего душа, и наконец решает, что спокойнее всего будет смотреть девушке прямо в глаза, хоть в них и нарисован чёткий, требующий немедленного ответа вопрос.

– Если это единственное, на что вы согласны – то, боюсь, у меня нет выбора, – с вежливой улыбкой говорит Эйнар, продолжая поддерживать шутку – которая уже так затягивается, что начинает походить на шутку всё меньше и меньше. – Вы знаете специальный ритуал для передачи души и перехода в рабство? Может, какие-то особенные слова?

Ксифенг Чао

Если парень по-прежнему считал, что Ксифенг шутит, то это он делал очень зря. Девушка была несерьезна лишь наполовину. Если забрать душу молодого человека и впрямь представлялось чем-то неосуществимым, то вот требовать с него те или иные клятвы в верности - вполне реально. Ксифенг, правда, еще сама не до конца определилась, как она в случае успеха планирует эту рабскую силу применять. Не заставляя же парня подносить ей тапочки по утрам, в самом деле.

А с другой стороны, вовсе же не обязательно каждый день придумывать для молодого человека испытания на износ. Можно просто просить его о помощи по мере необходимости - вроде бы и оставаясь вежливой, но при этом точно зная, что

отказа не будет. Звучит приятно.

- Да ты не бойся, я не злая. Совсем уж тебе на шею садиться не буду. И другому владельцу продавать - тоже, - усмехнулась Ксифенг. И попросила: - Заканчивай мне "выкать", пожалуйста, я себя аж неловко чувствую. А насчет особенных слов... знаешь, я думаю, что дело все-таки не в самих словах, а в том, насколько искренне ты будешь их говорить. Хотя, если тебе хочется, можно и ритуал сочинить, чтобы все было совсем по-чернокнижному. Ну там, нож какой-нибудь принести, клятву кровью подписать, клеймо у тебя на плече выжечь... Тебе точно нужны все эти страсти? - усомнилась девушка. - Я вот легко и без них обойдусь. Говорю же, я не злая.

Стоять в коридоре в полотенце вместо кофты и ждать, не приспичит ли еще кому-нибудь именно в это время сходить в душ и тоже попасть в рабство, было откровенно неуютно. Ксифенг переступила с ноги на ногу, бегло огляделась по сторонам, подавила в себе желание уже начать по-хозяйски заботливо осматривать одежду юноши на предмет неряшливо приставших ниток и поторопила: - Слушай, решай уже что-нибудь быстрее, пожалуйста. Мне вообще-то прохладно тут стоять. И я, как ты можешь видеть, до сих пор не вполне одета. Ну?

Эйнар Эспеланд

В чём девушка однозначно права – так это в том, что решать, поддерживать её игру или отказываться от неё, нужно быстрее. Эйнару и самому не нравится стоять, хлопать глазами и находиться в подвешенном, непрощённом состоянии. Неизвестно только, насколько справедливо называть всё это "игрой". Девушка смотрит и говорит вроде бы вполне серьёзно, уже начинает продумывать разные технические подробности, и в целом втягивает Эспеланда в какую-то невозможную затею с отчётливым привкусом романов Майн Рида.

– Если тебе будет достаточно слов, то давай тогда словами и ограничимся, – решает Эйнар. Путая его вопросами о ритуалах и клятвах, девушка добивается главного – Эспеланд упускает из виду, что от этой затеи можно отказаться. Заявить, что в таком случае прощение ему не требуется, что размен выйдет неравноценный, и на этом распрощаться с девушкой. Эйнар же об этой возможности забывает, успешно запутавшись в бесконечных подробностях, и только спрашивает: – И что, ты хочешь, чтобы я отдался тебе в рабство прямо здесь и сейчас? Ладно. Только тогда подскажи хотя бы примерно слова, которые устроят лично тебя.

Только зрителей не хватает, думает Эйнар, на случай, если девушка прикажет ему встать на колени и целовать ей руки. Да и без этого, впрочем, сцена получится своеобразная, даже отчасти жаль, что никто этого не оценит со стороны. Пропадать, так уж окончательно, задорно думает Эспеланд, пусть уж сюр будет полным. И храбро напоминает: – Да, а что ты говорила про душу? Она тебе тоже нужна? И как тебя зовут? Кому я отдаюсь на веки вечные?

Ксифенг Чао

Намереваясь вставить в слова парня и свое замечание, Ксифенг открыла было рот - а потом медленно его закрыла и залилась краской до самых ушей. Сама девушка определенно не имела в виду ничего непристойного. Да и парень, наверное, тоже ни на что такое не намекал, просто так сформулировал - и его реплика вдруг приобрела неожиданный, интимный оттенок. Если бы вдруг в коридоре сейчас появился кто-то

третий, он бы совершенно точно подумал не о том. И побежал бы докладывать мастерам, что тут ученики собрались заниматься разворотом. А парень еще и повторил эту же самую фразу, только чуть на иной лад, и от этого повтора Ксифенг окончательно заалела.

- Только давай сразу договоримся - я не сексуальное рабство имела в виду. Ты же это понял, да? - спросила девушка, старательно обмахиваясь ладонью - еще минуту назад ей было прохладно, а теперь как будто воздух в коридоре начал стремительно нагреваться. - А насчет слов - я тебе еще раз говорю, мне это не очень важно, как именно ты это сформулируешь. Главное, чтобы ты понимал куда влезаешь и не фальшивил. Я Ксифенг. А тебя как зовут - моя будущая собственность? - подчеркнула Ксифенг, еще раз стараясь правильно расставить акценты. Не было в ее предложении подтекста, предполагающего эротические утехы, вот прямо с самого начала и до нынешнего момента - не было и нет. И хорошо бы, чтобы парень тоже не это имел в виду. Иначе они тут друг с другом вконец запутаются и будет не очень понятно, как после этого мирно и полюбовно расходиться. И не краснеть до самой макушки, случайно сталкиваясь в коридоре или в столовой.

Эйнар Эспеланд

Эйнар сперва не понимает, почему девушка начинает заливаться румянцем. Эспеланд действительно не вкладывает в свои слова никакого второго, пошлого смысла. Более того, он даже не сразу понимает, в какой именно момент девушка начинает краснеть. Приходится мысленно прокрутить всё, что говорил, ещё раз, и только тогда Эспеланд наконец выцепляет то словосочетание, которое единственное могло смутить девушку и которое он ухитрился повторить дважды. Действительно, звучит не так невинно, как показалось сначала.

— Да, конечно же. Я это понял. Обыкновенное рабство, бытовое. Не сексуальное, — соглашается Эйнар, чувствуя, как и ему самому румянец уже жжёт скулы. Где-то по краю сознания пробегает хулиганская мысль уточнить у девушки, неужели же такая перспектива её совсем не увлекает и Эспеланд в её глазах непривлекателен и бесполезен именно настолько, — но, к счастью, этот порыв мимолётный и не перерастает в хоть сколько-нибудь серьёзное намерение. Возможно, когда-нибудь это и получится обсудить, лёгким шутливым тоном, чтобы в конечном итоге никому и ни за что не было обидно. Сейчас для этого откровенно не время.

— Меня зовут Эйнар, — размеренно начинает говорить юноша. И берёт тонкую руку Ксифенг в свои ладони, чтобы придать моменту хоть какое-то подобие торжественности. — И с этого момента я обещаю быть верным рабом Ксифенг до тех пор, пока она не посчитает, что пришло время вернуть мне свободу, — громкие слова с непривычки тяжело ворочаются на языке. К такому, наверное, привыкнуть и вовсе невозможно. Чтобы прояснить последний нечёткий момент, Эйнар слегка наклоняется вперёд и напоминает: — Тебе всё ещё нужна и моя душа тоже?

Ксифенг Чао

Вдумавшись, Ксифенг с легким изумлением обнаруживает, что они с парнем поменялись местами, и теперь, пожалуй, не она его дожимает, а он ее. Все из-за дурацкого выражения "отдаться в рабство", которое непонятно как возникло у молодого человека на языке, заставляет мысли течь куда-то не туда и вообще

смущает. Хорошо хоть, что правильно друг друга поняли и не продолжили грести в неправильном направлении.

Если Ксифенг изначально всю эту идею с рабством воспринимала скорее как прикол, забавную сценку, которую вдруг ни с того ни с сего выпал шанс отломать, то Эйнар, похоже, наоборот, подошел к вопросу трагически серьезно. То точный текст клятвы ему подавай, то еще что. Девушке в какой-то момент почудилось, что парень еще и вот-вот на колени хлопнется, чтобы облобызать джинсы новоиспеченной госпожи. Обошлось без таких сногшибательных жестов, но все равно, стараниями Эйнара эта сценка утратила предполагаемую легкость, став серьезной, почти как в трагедии Шекспира.

- Ты ужасно милый. Ты это знаешь? - поинтересовалась Ксифенг, не делая попыток высвободить руку. И, чтобы больше не уступать ни миллиметра, ни слова, тоже слегка подалась вперед, приближая свое лицо к лицу Эйнара. - Конечно же, мне нужна такая замечательная душа! Где я еще такую найду, вдруг больше нигде? А твою - заберу, закрою в шкатулке и буду хранить и любоваться, - пообещала девушка.

Правда, торжественный момент передачи души Ксифенг в конечном итоге смяла и испортила. Девушке послышалось, что рядом хлопнула дверь - и Ксифенг, ни медля ни секунды, бросилась Эйнару на шею, крепко обняла одной рукой и уткнулась подбородком ему в плечо. Если уж надо будет с кем-то объясняться, то Ксифенг предпочла бы объяснять, почему она обнимается с молодым человеком, а не почему она вытягивает из него душу и как планирует поступать со своим несчастным рабом дальше.

Эйнар Эспеланд

Ксифенг лёгкая, очень лёгкая – она не собирается давать никаких клятв в ответ, да ей и не нужно. Она теперь с полным правом может продолжать требовать, и делает это незамедлительно. Отчасти юноша сам в этом и виноват – сам напомнил. Но мысль о том, что в этой игре девушка, кажется, действительно хочет, чтобы Эйнар отдал ей свою душу, вызывает странное волнение и отдаётся трепетом в кончиках пальцев.

– Тогда с этого момента я вверяю свою душу... – начинает было Эйнар, и в этот момент Ксифенг вырывает у него свою ладонь. Смена кадров для больных глаз оглушающе стремительна – лицо девушки исчезает мгновенно, и вот Эйнар уже смотрит на влажные тёмные волосы, а круглый подбородок девушки покоится у него на плече. Несмотря на такую перемену, юноша всё же шёпотом заканчивает фразу: – Вверяю тебе свою душу и оставляю её в полном твоём распоряжении. Что случилось? Всё в порядке?

Стоять вежливо бесстрастным болванчиком, вытянув руки по швам, не получается. Эспеланд почти машинально охватывает руками талию прижимающейся к нему девушки, да так и стоит, обнимая Ксифенг. Щекой Эйнар непрерывно чувствует влажные волосы девушки, на плечах у него лежит её тонкая рука, а острый локоток второй руки чувствительно упирается юноше под рёбра.

Эйнар терпеливо ждёт разъяснений. И не размыкает рук – если Ксифенг вдруг потребовались объятия, то они, наверное, должны быть не односторонними, но обоюдными?

Ксифенг Чао

Ксифенг, после того, как бросилась Эйнару на шею, замерла. И напряженно слушала, готовая в любой момент услышать или вопрос "ну и чем вы тут заняты", или даже строгий окрик. На объятия влюбленных эта напряженная поза наверняка была похожа разве что с большим натягом. Ксифенг непрерывно чувствовала, как тяжело и часто бухает чье-то сердце, и все понять не могла: то ли у нее сердце так взволнованно колотится, то ли у Эйнара, а может, это два их сердечных ритма сливаются в один торопливый и заполошный.

Как в дурацком комедийном сериале - в конечном итоге выяснилось, что все эти ухищрения еще и были зря. Ничья дверь не хлопала, никого в коридоре так и не появилось, а девушке это все просто почудилось. Ксифенг вновь залилась смущенным румянцем и пояснила, упираясь ладонью Эйнару в плечо: - Мне тут просто показалось, что нас сейчас застукают за нашими сомнительными обменами. Извини. Твою душу я принимаю и обещаю хранить ее бережно. Все, отпусти меня, пожалуйста.

Едва высвободившись из рук Эйнара, Ксифенг ухватила за полотенце, удерживая его на груди. В результате всех этих прыжков хрупкий узел пока еще не развязался, но ослаб, и полотенце держалось практически на одном только честном слове. Ксифенг стиснула края полотенца в кулаке, удерживая ткань над грудью, и полупопросила-полуприказала: - Ты проводишь меня до моей комнаты, раб мой? Закроешь меня своей широкой спиной от чужих нескромных взглядов, если потребуется? Заодно и разберемся, насколько далеко друг от друга мы с тобой проживаем. Пошли, - Ксифенг взяла бы юношу за руку, будь у нее третья рука, но чего нет, того нет. Поэтому пришлось строить манящие, зовущие глаза.

Эйнар Эспеланд

Когда Эйнар наконец получает от Ксифенг объяснение происходящему – оно оказывается не из тех, что можно принять легко и безболезненно, чтобы не испытывать желания упрекнуть прекрасного стратега в склонности всё мучительно усложнять. Впрочем, ожидать чего-то простого от девушки, которая занимается тем, что вербует себе рабов, пожалуй, было чересчур наивно.

Стало быть, так – Ксифенг показалось, что вот-вот на сцене появятся свидетели. Эйнар старается всесторонне обдумать эту мысль и привязать её к поступку девушки прочной логической цепочкой, но ужасно мешает то и дело рвущееся на первый план максимально простое решение: можно было просто сделать вид, что они говорят о другом. В конце концов, какие расклады ни пробуй, а стоят молодые люди всё равно в довольно двусмысленном положении.

Как себя вести после того, как он признан дважды переданным в полное распоряжение Ксифенг, Эйнар не представляет совершенно, раньше ему в рабстве бывать не приходилось. Эспеланд молча смотрит, как девушка воюет со своим полотенцем, и ждёт намёка, указания, команды – чего угодно, лишь бы это помогло ему понять, каков должен быть следующий шаг.

Ксифенг же так щедра, что отдаёт полноценный приказ, это ещё больше всё упрощает.

– Слушаю и повинуюсь, – отзывается Эйнар, с таким отчётливым облегчением, что это звучит почти радостно. Чудится, что закрывать девушку "своей широкой спиной" нужно ото всех и сразу, со всех четырех сторон, и быть сразу везде. Эспеланд

заставляет себя не суетиться и не мельтешить, а размеренно шагать рядом с девушкой. И с лёгкой тревогой думает, что, возможно, не сумеет так уж просто показать, где его комната, если Ксифенг вдруг решит поинтересоваться – все двери здесь выглядят на одно лицо, и Эйнар пока не нашёл у входа в свою комнату каких бы то ни было красноречиво отличительных особенностей.

Ксифенг Чао

Ксифенг была девушкой отнюдь не робкой, так что, если бы не занятые руки, она бы юношу, пожалуй, взяла - за ладонь, или за локоть, или ещё как-нибудь обозначила бы, кто здесь теперь и чья собственность. Но увы, через левую руку у девушки была перекинута одежда, а правой приходилось постоянно придерживаться полотенце. Так что можно было только попытаться взглядом выжечь клеймо у Эйнара где-нибудь на спине, на плече или на шее, что по умолчанию было затеей бессмысленной, обреченной на провал.

- Ещё две двери пройдем, и пришли, - командовала Ксифенг, спокойно заполняя своим голосом тишину, которая была бы довольно неловкой, и ничуть не стесняясь путаться в показаниях. - Нет, стой - вру! Вот, вот эту дверь по правую руку видишь? А моя комната должна быть ещё через две двери. Она же? - проверяя это своё заявление, Ксифенг отважно сунула нос внутрь комнаты. И, опознав возле одной из циновок свой рюкзак, тут же радостно успокоилась: - Точно. Тут и обитаю, смотри и запоминай. А ты? Где твоя комната? - Ксифенг было вопросительно повернулась к Эйнару, но почти тут же передумала и замотала головой: - Впрочем, нет, не говори. Я так, на пальцах, всё равно не запомню. Если нужно будет, я тебя, скажем так, на ощупь найду. Методом множественных проб. Ну, тогда на сегодня я тебя отпускаю. Но не забывай, что ты принадлежишь мне, и до скорой встречи, - проговорила девушка. И, повинувшись промелькнувшей в голове хулиганской мысли, стряхнула одежду с левой руки на удачно подвернувшийся комод, а руку величественно почти протянула Эйнару. Очень уж любопытно было посмотреть, как юноша отреагирует на такой жест.

Эйнар Эспеланд

Коридор пустует и безмолвствует, ни от кого защищать Ксифенг не приходится – и сейчас это, пожалуй, только к лучшему. Потому что Эйнар сейчас может и не сообразить, что именно в такой чрезвычайной ситуации потребуются немедленно делать. Мысли играют в чехарду, но правил явно не знают, и смешиваются в никаким правилам не подчиняющийся бардак.

И даже та одна мысль, которая сейчас доминирует и пытается вместить себя как можно более ёмкое описание всего произошедшего, тоже какая-то смятая и невнятная. Не разум, а катастрофа. При виде хрупких и трогательных девичьих ключиц становится недееспособен почти полностью.

То, что Ксифенг в конечном итоге всё же отказывается от желания получить точные координаты комнаты Эйнара – это, безусловно, замечательно. Потому что Эспеланд ей сейчас не объяснит, как себя искать в этом жилом корпусе. Да и никому толково не объяснит, включая даже самого себя. Ориентируется в жилом корпусе юноша пока из рук вон плохо, а двери комнат, одинаковые, как близнецы, только усугубляют ситуацию. Эйнар пока находит свою комнату скорее наугад, чем по каким-то точным ориентирам, и не готов вслух посоветовать Ксифенг пользоваться тем же методом.

Ксифенг же – *интересно, стоит ли называть её "госпожа"?* – ведёт себя так легко, словно тем только и занимается, что целыми днями напролёт приручает рабов и раздаёт им указания. Во всяком случае, именно так это выглядит в глазах Эйнара. Пару секунд юноша с нерешительностью смотрит на протянутую к нему тонкую руку девушки, а затем нагибается и касается губами узкой ладони Ксифенг. Этот жест выглядит красиво и глупо одновременно. Смутившись, Эйнар отступает – но ещё успевает ляпнуть на прощание: – Навеки ваш.

Ксифенг Чао

Откровенно говоря, примерно этого Ксифенг и ждала - что юноша сделает какую-нибудь рабOLEПную, эпичную, романтическую глупость. У молодого человека это так и читается на лице, прячется в каждой черточке, и в кариx глазах, и в нелепых, разных по длине, словно вечно удивленно приподнятых бровях. Даже дрожит в уголках губ - именно от губ юноши Ксифенг невольнo и ждала романтического рыцарства. И дождалась этого, еще как дождалась - получила всю желаемую отдачу, стопроцентную и бесспорную. Эйнар прибегнул к одному из самых расхожих рыцарских жестов, когда целует девушке руку, да еще и так замечательно, трагически попрощался.

- И никогда об этом не забывай! - крикнула вслед юноше Ксифенг, отвечая на его последнее торжественное обещание. Из последних сил удерживая серьезную мину, закрыла дверь, привалилась к ней спиной - и, закусывая зубами полотенце и сдавленно хохоча в плотную ткань, так и сползла вниз по дверному косяку.

Это все вышло как-то глупо, и нелепо, и смешно... но вместе с тем - за пределами мило. Впору растаять от нежности. Даже жаль, что в дамских романах главных героев-любовников сплошь и рядом списывают с уверенных в себе альфачей. Трогательный и рыцарски вежливый юноша тоже способен набрать немало очков, в этом Ксифенг только что убедилась, на собственной шкуре прочувствовав это нежное обаяние. Пока что девушке очень нравилось то, как ловко она получила в свое практически полное распоряжение такого славного молодого человека.

Но тем не менее - это получилось дико смешно, практически от начала и до самого конца. Даже удивительно, как такое приятное происшествие одновременно может быть таким чертовски нелепым.
